

ПАМЯТНИКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литтон
Стрейчи

ИМЕНИТЫЕ
ВИКТОРИАНЦЫ

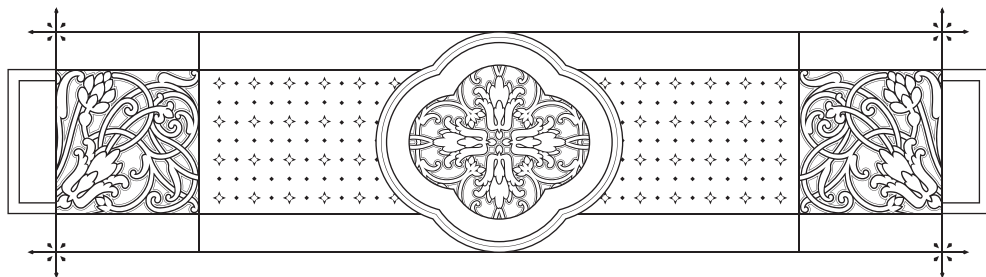

Издание подготовили
Б.М. ПРОСКУРНИН, Д.Б. ВЕРШИНИНА,
Г.А. ВЕЛИГОРСКИЙ, Л.А. СИФУРОВА

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва

ИМЕНИТЫЕ
ВИКТОРИАНЦЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

торию викторианской эпохи не напишут никогда — слишком много мы про нее знаем. Ведь неведение — главный помощник историка, помощник, который упрощает и проясняет задачу, отбирая одно и отвергая другое с безмятежной уверенностью, недоступной высокому искусству. Что же до только что завершившейся эпохи, то наши отцы и деды накопили и выплеснули на нас такой мощный поток сведений, что он способен не только начисто смыть дотошность Ранке¹, но и пошатнуть проницательность Гиббона². Исследователю прошлого не описать этой уникальной эпохи, скрупулезно шаг за шагом излагая события. Если он мудр, то прибегнет к более тонкой стратегии. Он захватит свой предмет врасплох, направив атаку в неожиданное место, обрушится на фланги или даже на тыл, внезапно мощным прожектором высветит темные, доселе никем не изведенные закоулки³. Или же он повиснет над безбрежным океаном материала и станет погружать в него — то тут, то там — небольшое ведро, зачерпывая из глубин пробные образцы для подробнейшего изучения. Руководствуясь этими соображениями, я и написал ниже следующие очерки. Посредством биографий я попытался показать со-

КАРДИНАЛ МЭННИНГ

енри Эдвард Мэннинг родился в 1807 году¹ и умер в 1892-м. Он прожил необычайную, во многих отношениях, жизнь, но современного исследователя в ней влекут главным образом два обстоятельства: свет, проливаемый его деятельностью на духовную жизнь эпохи, и психологические проблемы, сокрытые в глубине его личности. Мэннинг принадлежал к кругу выдающихся деятелей Церкви — кругу, без сомнения, совсем не узкому, — знаменитых не столько святостью или ученым умом, сколь трудами на практической ниве. Живи он в средние века, он, конечно, не стал бы ни Франциском, ни Аквинатом, но, пожалуй, мог бы стать Иннокентием². Так или иначе, родившись в Англии в девятнадцатом веке, выросши на ранней заре технического прогресса, вступив в зрелость при первых всплесках либерализма³ и прожив достаточно долго, чтобы наблюдать торжество Науки и Демократии, Мэннинг, по странному стечению обстоятельств, будто бы продолжил собой длинную череду церковных дипломатов и администраторов, которая, казалось бы, навсегда завершилась на кардинале Уолси⁴.

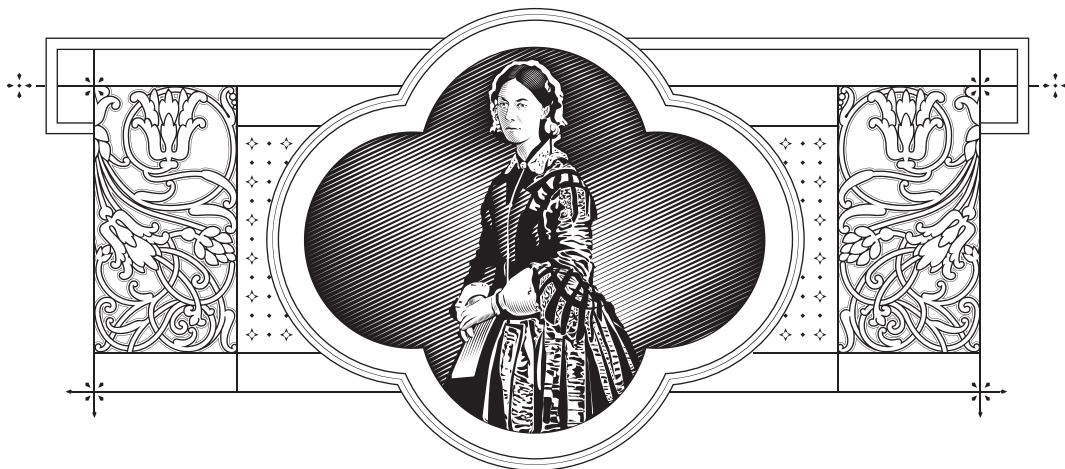
После обращения Ньюмана Мэннинг почти убедил себя, что его «представления о церковной будущности» предопределены для него ролью, какую сыграет он как «целитель ран, нанесенных Церкви Англии»¹³. Мистер Гладстон был с ним согласен; но был еще Кое-Кто, и стоял Он выше мистера Гладстона. Согласится ли на это и Он?

Я терзаюсь тревожными мыслями. Бог знает, что значили и значат мои желания, почему в них столько противоречий. <...> Я тешу себя мечтой о глубинном, о настоящем. <...>. Великий вопрос: довольно ли тебе *ныне* Господа? И если ты останешься таким же, как ныне, до конца своих дней, — довольно ли тебе этого? <...> Но, конечно, всем мирским и церковным тронам я предпочел бы остаться с Господом. Ибо Он, и Он один, пребудет во веки вечные¹⁴.

В припадке честолюбия Мэннинг подал заявку на должность лектора Линкольнз-Инн, однако, главным образом из-за враждебной позиции «Ведомости», назначение уплыло¹⁵. Немного позднее ему предложили нечто более почетное — должность младшего раздатчика милостыни при Ее Величестве, которую как раз приберег для него архиепископ Йоркский и которая почти неминуемо сулила ему митру епископа¹⁶. Предложение это повергло Мэннинга в настоящие муки саморефлексии. Словно Робинзон Крузо, он составлял замысловатые таблицы, выводя в них колонки доводов «за» и «против»: ¹⁷

За	Против
1. Это неожиданно	1. Следственно, принимать не нужно. Ведь это может быть не только испытанием, но и искусом.
2. Это почетно	Будучи тем, кто я есть, не должен ли я отказаться: а) из вящего смирения; б) в наказание себе за Линкольнз-Инн; в) в назидание прочим?

И так далее. В конце концов он насчитал десять ничем не уравновешенных доводов «против» и, промаявшись неделю, отказался от должности¹⁸.

ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ

I

том, кто такая Флоренс Найтингейл, наслышаны все¹. Почти святая, самоотверженная женщина; нежная девушка из знатной семьи, что отвергла беззаботную, отрадную жизнь ради помощи страждущим; «Леди с лампою в руках»², скользкая среди ужасов госпиталя в Скутари³ и изливающая сияние своей доброты на койку умирающего солдата, — этот образ знаком всем и каждому. Но в реальности всё было иначе. Мисс Найтингейл на деле была не так проста и мила, как эта сотканная из фантазий картина. Она действовала по-другому, стремилась к иным вещам; она шла вперед, понуждаемая силой настолько мощной, что досужее представление бессильно ее вообразить. Она была одержима Демоном. А демоны, помимо прочего, нынче всем интересны⁴. И так уж получилось, что настоящая мисс Найтингейл была куда интереснее легендарной — и при этом куда менее покладистой.

Семейство ее, и без того чрезвычайно богатое, неоднократно повязывало себя брачными узами со всё ширящимся кругом таких же богатых семейств⁵. У них был просторный загородный дом в Дербишире;

Но нет, в сердце своем Флоренс Найтингейл понимала, что этому не бывать. «Навсегда пригвоздить себя к жизни, какой я сейчас живу, к ее однообразию и гротеску <...> скрутить себе крепко руки, лишить себя самой возможности ухватиться за настоящую, полноценную жизнь» — это было равносильно самоубийству⁴⁰. Она сделала выбор, она отринула то, что наверняка могло бы составить ее неподдельное счастье, ради эфемерного блага, ради зыбкой мечты, что могла ведь никогда и не сбыться. Она поступила так — и повела снова жизнь, что полна была ожиданий и горечи.

Все мысли, все те чувства, что живы во мне сейчас,
— писала она, —

мне знакомы с шестилетнего возраста. Призвание, ремесло, непреходящая занятость — всё, что наполнит меня до краев, заставит трудиться на пределе сил, — всегда казалось мне важнее всего на свете, было пылкой моей мечтой. Моя первая, сколько помню себя, мечта была об уходе за страждущими, и она же была единственной; ну а если она не сбудется — я могла бы учить, но учить не детей, а заблудших <...> Я перепробовала всё — я ездила за границу, я заводила друзей, — всё на свете... Боже мой! Кто ответит, что же ждет меня в будущем?⁴¹

Юный, желанный кавалер? Суета сует!⁴² Да и что в них вообще желанного? «Мне идет тридцать первый год, — записала она в дневнике, — а я гляжу перед собой и не желаю ничего, кроме смерти»⁴³.

Но минуло еще три года, и возраст заявил о себе всерьез. Семья, похоже, будто поняла наконец: Флоренс — взрослая, сильная женщина; пусть сама выбирает себе путь; и она так и сделала: поступила управляющей в богадельню на Харли-стрит⁴⁴. Она обрела независимость, хотя еще не вполне; ее матушка всё никак не могла смириться: пусть Флоренс хотя бы лето, но обязательно проводит у них в деревне. И, конечно, случалось, в кругу близких подруг миссис Найтингейл едва не рыдала. «Мы утки, — говорила она со слезами в глазах, — утки, высидевшие дикого лебедя»⁴⁵. Опечаленная дама была не права: утки высидели, но не лебедя — а орлицу.

ДОКТОР АРНОЛД

1827 году освободилась должность директора школы Рагби¹, и перед двенадцатью попечителями, аристократами и благородными господами из Уорикшира², был поставлен ребром вопрос: кто же станет его преемником? В воздухе витали реформы — политические, общественные, религиозные;³ распространилось даже мнение, что и в наших частных школах⁴, знаменитых на всю страну, всё не так и хорошо, как хотелось бы, и что какие-то перемены в системе их руководства — никто не ведал, какие именно, — но *какие-то* перемены были крайне желательны. Потому-то вполне естественно, что, когда двенадцать аристократов и благородных господ, решивших опираться при выборе лишь на заслуги кандидатов и более ни на что, обнаружили среди хлынувшего на них потока рекомендаций письмо от доктора Хокинса, ректора Ориэл-колледжа⁵, в котором тот предсказывал, что если они изберут на этот пост мистера Томаса Арнолда, то он «изменит образовательную систему всех до единой частных школ в Англии»⁶, — колебаниям их пришел конец. Было ясно как день: мистер Томас Арнолд — тот, кто им нужен. А раз так, его немедля избрали, ру-

вы обретете основы духовности и морали, во-вторых, научитесь благородно себя вести, ну а в-третьих — разовьете свое мышление»⁵⁵.

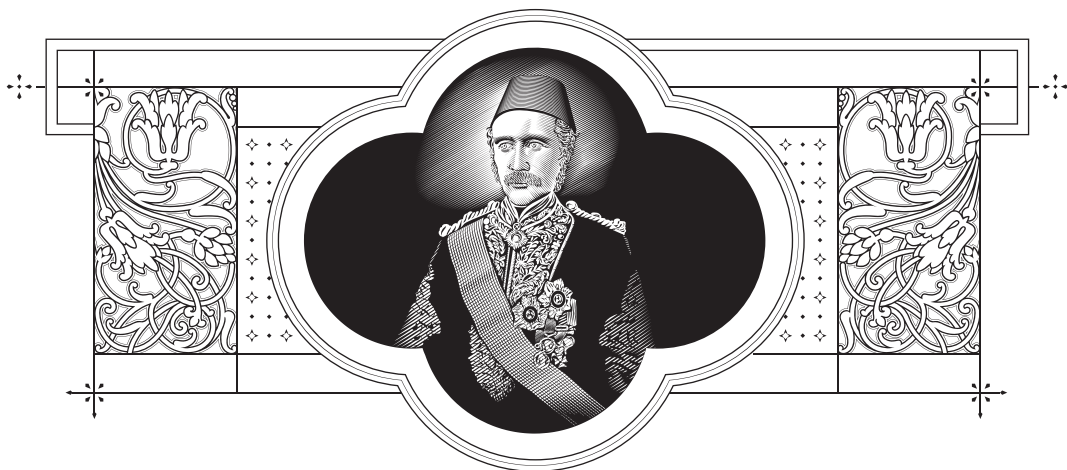
Не приходится сомневаться: большинство английских родителей разделяли взгляды доктора Арнолда. Классические школьные дисциплины не особо заботили их; да, конечно, они бы обрадовались, когда узнали бы, что их сыновей обучают истории или французскому языку⁵⁶, но настоящие их надежды, настоящие чаяния были совершенно иного рода.

«Так как же мне быть? Может, напомнить ему, чтоб учился прилежно? Или, может, сказать, что я шлю его в школу, чтобы вышел из него большой грамотей?

— вот о чем размышлял старый сквайр Браун, когда в первый раз отправлял своего Тома в Рагби. —

Дело хорошее, да ведь не за этим я его туда шлю — уж по крайности, не в первую голову. Что за дело мне, ей-богу, до греческих частиц, до какой-нибудь там дигаммы?⁵⁷ Да и матери его дела нет никакого... Так зачем же я его посылаю в школу? <...> Лишь бы вырос из него смелый, честный мальчишка, в делах помощник, — англичанин, да и добрый христианин; ну а большего-то мне и не надо»⁵⁸.

Вот вам и весь сказ; и именно подобным вещам вознамерился учить детей доктор Арнолд. Только как же добьется он этого? Может, примется хорошенько за характер учеников: и начнет их воспитывать, постепенно погрузив в их атмосферу учености и культуры? Или, может, он их сведет, даже даст им подружиться с просвещенными людьми — может, даже с просвещенными женщинами?⁵⁹ Ну а может, кроме этого, он внесет в школьный быт плоды просвещения, гуманизма, прогресса — да все самые лучшие, что ни на есть в современном социуме? Нет, вообще говоря, доктор Арнолд считал иначе. Такие идеи не отзывались в его душе; он предпочитал быть руководим лишь Провидением и всеобщими принципами. Оставалось одно: понять, что эти принципы собой представляют. За ответом доктор Арнолд заглянул в Ветхий Завет — и сомнения его улетучились. Решено: он будет воспитывать

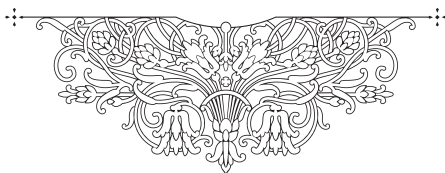
КОНЕЦ ГЕНЕРАЛА ГОРДОНА

1883 году¹ в окрестностях Иерусалима можно было увидеть одинокого английского джентльмена: он задумчиво там бродил, а под мышкой у него была толстая книга. В его невзрачной фигуре, невысокой и хрупкой, и в движениях, таких скользких и в то же время порывистых, померещилось бы вам, пожалуй, что-то мальчишеское, — и это причудливо — а впрочем, не так уж и неприятно — контрастировало с сединой, уже тронувшей его шевелюру и бакенбарды. Такой же контраст, и загадочный, и влекущий, наблюдался между его загорелым, кирпичного цвета лицом — этим цветом лица заправского путешественника, — и огромными голубыми глазами, в которых, когда они смотрели на вас, так и лучилась почти детская непосредственность².

Если бы некий прохожий дружелюбно полюбопытствовал у него, чем он, собственно, здесь занимается, то джентльмен негромким и мягким голосом, но при этом весьма отчетливо пояснил бы, что пытается отыскать здесь ответы на четыре вопроса:³ где находится место, на котором распят был Христос;⁴ где пролегает граница между

который сыграл оркестр из отборных суданских горнистов. Все как один согласились: генерал Гордон наконец-то отмщен. Кто вообще усомнится в этом? Ну, быть может, только сам генерал: в какой-нибудь далекой Нирване оторвется он, наверное, от призрачной Библии, от листаемых им страниц, — и отпустит язвительную ремарку. Но таков уж был генерал Гордон: он вообще был ужасный спорщик; но он ведь чуточку полоумный, да, пожалуй, что так, хотя и герой, несомненно; ну да он далеко, он теперь уже ни с кем не поспорит.. Впрочем, так или иначе, всё закончилось очень даже счастливо — славною резней двадцати тысяч арабов⁵⁵¹, обширным приращением земель Британской империи⁵⁵² и еще одним шагом сэра Ивлина Бэринга на его пути к пэрскому титулу⁵⁵³.

Приложения

Д.Б. Вершинина, Б.М. Проскурнин

СФИНКС АНГЛИЙСКОГО МОДЕРНИЗМА

ЛИТТОН СТРЕЙЧИ И ЕГО КНИГА «ИМЕНИТЫЕ ВИКТОРИАНЦЫ»

Джайлз Литтон Стрейчи (Giles Lytton Strachey; 1880–1932) — известный английский литератор начала XX века, член знаменитой группы «Блумсбери», автор ряда ярких литературно-биографических книг, благодаря которым он и вошел в историю британской культуры XX века.

Начиная разговор о Литтоне Стрейчи, обратим внимание читателей на «говорящее» название опубликованной в Будапеште в 2006 году книги венгерской исследовательницы его личности и творчества Жужи Ролинсон — «Сфинкс Блумсбери» («The Sphinx of Bloomsbury»). Нам оно представляется весьма символичным. Как известно, в древнегреческой мифологии Сфинкс (Сфинга) — это существо женского пола, с человеческой головой, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка. Подобная зоологическая амбивалентность (наличие у мифического существа признаков и человека, и зверя) отражала целостное восприятие греками фауны и человека в частности. И Стрейчи был, по мнению многих его современников, весьма разносторонней личностью; в нем сочетались самые разные стороны человеческой природы, он порою излишне энергично и непредсказуемо эмоционально реагировал на происходящее. Сфинга из древнегреческих мифов вошла в историю человечества как задавательница парадоксальных вопросов (в том числе и наиболее известного из них — об утре, полудне и вечере человеческой жизни)¹. Стрейчи тоже славился парадоксальными высказываниями и

---

¹ *Загадка.* Кто утром передвигается на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех? *Ответ.* Человек, который в младенчестве ползает, потом ходит, а в старости опирается на палку.

Содержание

Литтон
Стрейчи

ИМЕНИТЫЕ ВИКТОРИАНЦЫ

Перевод с английского

Предисловие. <i>Пер. А.Ю. Голосовской</i>	9
Кардинал Мэннинг. <i>Пер. Г.А. Велигорского</i>	12
Флоренс Найтингейл. <i>Пер. Г.А. Велигорского</i>	120
Доктор Арнолд. <i>Пер. Г.А. Велигорского</i>	180
Конец генерала Гордона. <i>Пер. Г.А. Велигорского</i>	214

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Д.Б. Вершинина, Б.М. Проскурнин. Сфинкс английского модернизма: Литтон Стрейчи и его книга «Именитые викторианцы»</i>	315
Примечания. <i>Сост. Г.А. Велигорский, Л.А. Сифурова</i>	347
Свод рабочих источников, составленный Литтоном Стрейчи	758
Основные даты жизни и творчества Литтона Стрейчи (1880–1932). <i>Сост. Г.А. Велигорский, Л.А. Сифурова</i>	763
Список сокращений	773
Список иллюстраций. <i>Сост. Г.А. Велигорский, Л.А. Сифурова</i>	800

Ил. 7
Литтон Стрейчи в Хэмстеде
Худ. Г. Лэм
1914 г.

«КАРДИНАЛ МЭННИНГ»

Ил. 46
Гай Фокс
в 1850 году:
он готовится
взметнуть
на воздух
всю Англию!
Худ. Дж. Линч
1850 г.

Ил. 47
Скользкая
дорожка
(карикатура
на Первый
Ватиканский
соброр)
Худ.
Дж. Тенниел
1869 г.

«ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ»

Ил. 55

Флоренс Найтингейл в Скутари

Худ. Дж. Барретт

После 1857 г.

Ил. 56

Флоренс Найтингейл
во время плавания по Черному морю

Худ. Дж.-Д. Льюард

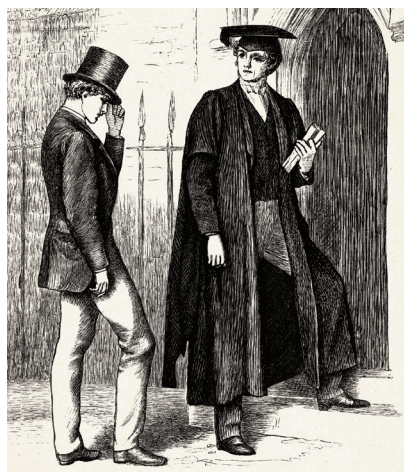
1863 г.

«ДОКТОР АРНОЛД»

Ил. 70
Доктор Арнолд
пожимает
Тому руку
Худ. Г. Дюфан
1875 г.

Ил. 72 ↓
Доктор Арнолд
и младший Брук
Худ. А. Хьюз
1869 г.

←
Ил. 71
«Собака на одеяле» (один из видов
«жестоких розыгрышей»
в школе Рагби)
Худ. Дж.-Ф.-К. Макфарлейн
1904 г.

«КОНЕЦ ГЕНЕРАЛА ГОРДОНА»

Ил. 77
Ли Хунчжан
Худ. Ч. Скиннер
1909 г.

Ил. 78
Хедив Исмаил
Фотограф не установлен
Ок. 1881 г.

Ил. 79
Гордон во главе Всепобеждающей армии
Худ. Ч.-Дж. Стэнлиэнд
1884 г.